

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

ПЕТАЙПОВ «СК», ТАСС И АПН

9 октября 1986 г.

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

Райна Кабайванска:

Живое звучание голоса

тельно редко выступаю. Некоторые современные артисты могут выходить на сцену каждый вечер, петь «вполсилы», делать на сцене лишь то, что необходимо. Не больше. Мне такая позиция чужда.

— Когда родилась «звезда» оперной сцены Райна Кабайванска?

— Я не считаю себя «звездой». Ну, а успех, вероятно, пришел после выступления в Ла Скала, где мы дебютировали вместе с Джоан Сазерленд (1961 год). Было всего четыре дня на подготовку партии в опере Беллини «Беатриче ди Тенда». Но я все же вышла на сцену и пела. Такое безрасудство возможно только в молодости!

— А как сейчас вы работаете над ролями?

— В течение 20 лет моя творческая судьба была связана с миланским театром Ла Скала. Здесь меня научили вдумчивому отношению к оперному искусству. Опыт убедил меня — создать полноценный, поистине художественный образ можно только в том случае, если вложить в это огромный труд. Важно все: и выразить обобщенное представление о своем герое, и тщательно проработать все нюансы, детали партии. На все это нужно время, и немалое. Кстати, в последние годы я практически не беру новых ролей в Ла Скала, поскольку вводы там стали осуществлять порой неожиданно, в короткие сроки. В основном пою в Римской и Болонской операх, которые предоставляют мне возможность готовиться столько, сколько я считаю необходимым. Не могу выходить на сцену не уверенной в своих силах.

— Уверенность в себе исключает волнение?

— Ни в коем случае. Волнуюсь всегда. Дело в том, что от меня очень много ждут. Зритель, который приходит сегодня в оперный театр, очень требователен. Обмануть его надежды нельзя. Ради этого волнение приходится скрывать.

— Что еще остается скрытым от зрителя в вашей работе?

— Мой педантизм. Он привел к тому, что скрытыми остались партии, которые я не спела. Например, я не спела Виолетту в «Травиате», потому что мне упорно не давались два такта в этой восхитительной опере. И так было не раз. Впрочем, нет ничего удивительного. Сомнение — вечный спутник артиста. Даже такие крупные мастера, с которыми мне посчастливилось работать, — Дель Монако, Корелли, Симонато, Христов, Кароян, Сантини, Говациети — никогда не испытывали полного удовлетворения от своих успехов.

— Вы заговорили о партирах по сцене и дирижерах, с которыми вам приходилось встречаться в спектаклях. О ком бы вы еще хотели сказать?

— О их было так много! Николай Гяуров, Джон Викерс, Лючано Паваротти, Мирелла Френи, Фьоренца Коссотто... И, конечно, замечательные советские певцы Елена Образцова, Тамара Милашкина, Александр Ведерников, Юрий Мазурок...

— Как складываются ваши отношения с русской классической оперой?

— Очень люблю пленительные образы оперных героинь Чайковского. Незабываемыми стали для меня спектакли «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» на сцене «Метрополитен-опера», в которых я исполнила партии Татьяны и Лизы. У меня есть также программа камерного концерта, составленного из произведений русских композиторов.

— Какие гастрольные маршруты, планы намечены на ближайшее время?

— Лечу в Бургас. На свою родину. Буду петь для моей любимой болгарской публики. Затем гастроль по странам Европы.

В последнее время обнаружила в себе интерес к малоизвестным операм. Сейчас работаю над центральными партиями в «Армиде» Глюка, «Весталке» Спонтини.

— Оперный театр и современная звуковая техника... Как вы относитесь к этому сочетанию?

— Петь перед микрофо-

ном очень не люблю. Поэтому записей моего голоса практически нет. Пластинки, магнитофоны, пленки и прочее не приемлю. Всегда буду советовать молодым слушать живую оперу. Глубоко убеждена, что живое звучание человеческого голоса незаменимо и неподражаемо.

— Передалась ли любовь к музыке вашей дочери Франческа?

— Увы, не в той степени, в какой бы мне хотелось. Вряд ли она пойдет моим путем. Но как бы то ни было, я, как все матери земли, желаю ей просто человеческого счастья, исполнения всех желаний, мирного неба над головой. Сохранение мира для человечества всегда волновало меня. Особенно теперь, с появлением ядерного оружия. Человек вмешался в природные явления неточно, не продуманно. В этом сказываются и его могущество, и беспомощность. Хочется собрать всех, кто не может и не хочет пока остановиться в накоплении оружия, и спросить: «Что вы с нами делаете?!». Искусство, те, кто преданно служит ему, должны помнить об угрозе войны, способствовать взаимопониманию между народами, ради жизни, творчества детей и взрослых.

А. БУДЕННЫЙ.

Она очень красива — Райна Кабайванска, народная артистка НРБ, лауреат Димитровской премии, оперная певица, «звезда». Поклонников у Райны Кабайванской много, в том числе в Советском Союзе, где в последний раз она гастроллировала в 1975 году. Недавно, когда в СССР проходили Дни болгарской культуры, всемирно известная певица прилетала специально для участия в концерте, посвященном открытию Дней. Всего лишь две арии из «Тоски». И аплодисменты такие же горячие, как десять лет назад.

Как правило, Райна Кабайванска отвечает журналистам охотно и подробно. У нее все определено.

— К чему вы стремитесь в жизни, в творчестве?

— Дайте минуту, — смущенно говорит артистка. — Это очень сложный и важный вопрос... Оставаться собой, индивидуальностью, открытым человеком и стараться быть естественной.

Родилась Райна Кабайванска в болгарском городе-порте Бургасе. Брала частные уроки фортепиано, пела в гимназическом хоре. Ей прочили будущее на поприще физики или архитектуры.

— Сейчас мне трудно сказать, почему я пошла на экзамен в консерваторию. Не помню, что меня подтолкнуло. Наверное, судьба.

— Вы верите в судьбу?

— Признаться, да. И мысли о моем будущем доставляют немалую тревогу. Ведь голос не вечен.

— Означает ли это, что вы должны «экономно» обращаться со своим голосом?

— Нет, не означает. На выступлениях я не щажу ни голос, ни себя. Я отношусь к тем артистам, которые полностью отдают себя творчеству. Очень устаю от спектаклей и поэтому сравни-